

ВОЛЬТЕР И ПУШКИН

*“Je n’ai jamais vu la dignité de l’homme que dans
la sincérité de ses passions”*

(Pierre DRIEU LA ROCHELLE,
L’Homme à cheval)

В процессе взаимосоприкосновений разных культур национальные, сословные, родовые и личностные приоритеты неизбежно влияют на выбор фактов для адекватного понимания концептуально значимой информации. Интересно проследить справедливость этого утверждения на примере статей о Вольтере такого подготовленного в области романской филологии автора, как А.С. Пушкин.

Блестяще владевший французским языком и снискавший в Лицее прозвище “*француз*”, А.С. Пушкин прекрасно знал творчество Вольтера, талантливо переводил его на русский язык, познакомив с его произведениями читающую публику России, на себе испытал сильное влияние французского просветителя – властелина дум многих поколений и, кстати, первого биографа Петра Великого, образ которого занял значительное место и в творчестве великого русского поэта.

Восхищаясь талантом “*идола Европы*”, “*первого писателя своего века*”, “*предводителя умов и современного мнения*”, А.С. Пушкин считал, что “*всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства*” и что надобно с любопытством изучать его “*автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отстрочке платежа*”.¹ Так, в 1836 году появилась его статья “*Вольтер*”, в которой поэт в не менее остроумной форме, чем сами корреспонденты, рассматривает взаимоотношения французского философа со своим адресатом в “*Неизданной переписке де Вольтера с президентом де Броссом*”, вышедшей в Париже в том же году.

Темой переписки послужила покупка Вольтером поместья Турне. Пушкин отмечает, что только талант и ирония Вольтера могли превратить деловую переписку в остроумный памфлет, вызывающий улыбку читателя на каждой странице. Он обращает внимание и на остроумие продавца, известного многими учеными сочинениями,

лучшими из которых он считает его письма из Италии (1730-1740 гг.), вышедшие под названием “*Италия сто лет назад*”. Он обнаруживает в де Броссе истинную ученость и глубокомыслие.

Сопоставим его восприятие людей и событий с мнением французских авторов-современников и исследователей эпохи последующего времени. Всех поражал внешний облик де Бросса. Так, Дидро отмечал его маленький рост и своеобразную внешность: если в обычных одеждах президент вызывал его уважение, то в придворном одеянии невозможно было удержаться от улыбки при виде “*маленькой, ироничной, веселой и сатирической*” головы, потерявшей в огромной, напоминавшей лес, копне волос; эта лесоподобная копна мешала ему видеть и, спускаясь справа и слева, скрывала три четверти его лица.² Биограф Вольтера Жан Ориё также описывает небольшой рост де Бросса, которого парик мог бы скрыть с головы до ног. По его мнению, это был ужасный человек, в столкновении с которым Вольтер “*не сказал своего слова*”.³

При первой встрече оба интеллектуала, способные, казалось, понять друг друга с полуслова, разговаривали около пяти часов, прежде чем нежно расстаться и оставить у слушателя впечатление, что оба были самыми светлыми головами века. Ж. Ориё замечает, что энтузиазм Вольтера по отношению к президенту де Броссу подстегивался еще и тем, что тот владел в Турне землями, которые Вольтер хотел купить.

Раскрывая необходимость в покупке земель на берегу Женевского озера, А.С. Пушкин приводит следующие аргументы: поиск надежного убежища в изгнании, ощущение личной опасности, переживание за свои капиталы, розданные в разные руки, желание на всякий случай помириться со своим отечеством, имея, по выражению Вольтера, “*одну ногу в монархии, другую в республике*”. А.С. Пушкин отмечает, что местечко Турне соответствовало задуманному.

Вначале все происходило так, как остроумно описывали А.С. Пушкин и Ж. Ориё: чтобы сбить цену, Вольтер выставил все недостатки поместья, а они были налицо: бедность земель, болотистость и невозделанность почвы, перерезанность не представляющим ценности лесом, неказистость замка – “*лачуги*”.

Президент, желавший отделаться от этого поместья, которое было ему в обузу, и играя на желании Вольтера почувствовать себя деревенским сеньором, начал спекулировать своими чувствами привязанности к земле, с давних времен принадлежавшей его семье, наличием в замке необычного талисмана, который продлевал жизнь

обитателей до ста лет, а, главное, тем, что обладание землями давало все феодальные права, графский титул, и, в частности, права на судопроизводство.

Вольтер был готов заплатить за *“эти руины”* цену дворца, и когда сделка, наконец, состоялась по взвинченной цене, оказалось, что статьи акта о продаже ограничивали права покупателя: бывший владелец оставил за собой многие права, в том числе и право выкупа земель. Поместье передавалось новому владельцу обремененным дорогостоящим сервитутом, таким, как, например, производство ремонта и поддержание замка в порядке в течение трех последующих за покупкой лет на сумму не менее двенадцати тысяч ливров.

Мы не знаем, известно ли было А.С. Пушкину, что по обычаю после того, как покупатель ставил свою подпись на акте, он должен был сделать подарок тому, у кого покупал, – Вольтер подарил супруге президента великолепную сельскохозяйственную машину (плуг-сеялку). Она разгневалась и отказалась ее принять, так как рассчитывала на жемчуг, меха или денежную сумму. Тогда Вольтер заменил подарок пятьюдесятью луидорами, которые мадам, собиравшаяся на зиму в Париж, оценила больше, чем новую сельскохозяйственную технику двойного назначения.

Вольтер вступил во владение своего графства по всем древним обычаям встречи нового сеньора: звоном колоколов, мессой, ружейными залпами (у Пушкина мы встречаем даже такую подробность – *“пальбой из пушек, взятых напрокат из Женевской республики”*), шествием населения перед сеньором, сидевшим под навесом на троне в окружении своих племянниц в парадном одеянии и бриллиантах. Даже дворянство из окрестности побеспокоилось приехать, чего не было в Ферне.

Но, как отмечает Ж. Ориё, уже на следующий день все изменилось. Один из его крестьян из Турне, у которого украли орехи, настиг вора и ударил его саблей по руке. Он его не убил, однако был схвачен, посажен в тюрьму, чуть не повешен. Все это легло на плечи Вольтера как сеньора. Судьи, зная, что есть ответчик, превратили процесс в самый запутанный и дорогостоящий. Вольтер возмущается, пишет во все инстанции в Женеву, Жекс и Дижон: он не хочет больше быть сеньором с ответственностью перед судом, так как видит, что феодальные привилегии – разорительная честь. Этот случай еще больше убеждает его в том, что феодализм – ужасная вещь. Тем временем президент де Бросс радовался, что переложил на Вольтера свои феодальные *“привилегии”*.

Когда Вольтеру понадобился лес для растопки камина, он нашел его срубленным. Он приказал его все же принести и использовать. Если бы Вольтер внимательно пересмотрел свой контракт, то обнаружил бы, что лес принадлежит прежнему сеньору или, по крайней мере, управляющему Шарло, шпиону президента де Бросса на землях, принадлежавших в тот момент Вольтеру, однако контролировавшихся прежним владельцем.

А.С. Пушкин подробно, остроумно и тонко анализирует эту переписку, отмечая, что она представляет Вольтера с милой стороны: мы извиняем ему его притязания, слабости, детскую раздражительность и готовы *“следовать за всеми движениями пылкой его души и беспокойной чувствительности”*.

Он справедливо обращает внимание на то, что, несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (целая библиотека), он еще весьма мало известен как человек деловой, капиталист и владелец, и анализируемая им переписка в этом отношении открывает многое. А между тем это представляет одну из самых важных черт XVIII века. Об этом времени М.В. Кордон пишет: *“Відбувалася переорієнтація суспільних ідеалів. Вони ставали більш прагматичними, позбавлялися героїко-романтичного забарвлення. Для масової свідомості ідеал підприємливої людини, купця, допитливого вченого стає більш привабливим, аніж ідеал лицаря чи ченця-аскета”*.⁴

Обратимся к данным А. Маньяна, биографа Вольтера.⁵ В марте-апреле 1729 года он проводит успешные и довольно ловкие финансовые операции по платежам по займам лотереи, не выходящие, однако, за рамки законности (у А.С. Пушкина встречаем фразу: *“Вот он пускается в спекуляции”*). В 1730-1735 годах Вольтер-экономист создает значительное личное состояние, вкладывая деньги в крупную торговлю и поставки в армию. В 1753 году он осуществляет проект покупки приграничных земель: он видит себя *“entre deux rois le cul par terre”*. В марте 1755 года Вольтер обосновывается в Швейцарии. Он снимает поместье около Лозанны и покупает у ворот Женевы владение Сент-Жан, которое сразу же переименовывает в “Делис” – наслаждение, отрада и где устраивается с мадам Дени. В декабре 1758 – феврале 1759 года Вольтер-земледелец покупает Ферне и Турне, что позволяет ему сказать: *“J’ai quatre pattes au lieu de deux”*, и уже в декабре 1759 года он оборудует эти поместья.

Обратимся, однако, к самому Вольтеру. Изучая экономику, ее значение и перспективы развития в контексте цивилизации Англии, Вольтер определяет роль в ней коммерции, что представлено в десятом

письме “*Философских писем*”: “*Le commerce, qui a enrichi les citoyens en Angleterre, a contribué à les rendre libres, et cette liberté a étendu le commerce à son tour; de là s’est formée la grandeur de l’Etat*”.⁶ Так, мощь Англии, согласно Вольтеру, проявилась в том, что в 1723 году маленький остров, имеющий немного свинца, олова, сукновальной глины и грубой шерсти, стал благодаря развитию торговли державой столь мощной, что смог разослать одновременно три флота в три самых отдаленных конца света. Вольтер выявляет механизм взаимодействия звена коммерция-гражданин-государство-мир, в результате действия которого коммерция обеспечивает богатство и свободу граждан; свободные и состоятельные граждане дают толчок еще большему развитию коммерции, что, в свою очередь, создает величие государства; далее преуспевающие государства обеспечивают благополучие мира.

При этом Вольтер отмечает, что если в Англии негоциант испытывает гордость от того, что может сравнить себя с гражданином Рима, а младший из потомков пэра не считает ниже своего достоинства заниматься торговлей, то в Германии “*ils ne sauraient concevoir que le fils d’un pair d’Angleterre ne soit qu’un riche et puissant bourgeois, au lieu qu’en Allemagne tout est prince*”, а во Франции – “*En France est marquis qui veut; et quiconque arrive à Paris du fond d’une province avec de l’argent à dépenser et un nom en Ac ou en Ille, peut... mépriser souverainement un négociant*”, и негоциант достаточно глуп, чтобы покраснеть при этих словах. И тут Вольтер задается вопросом: “*Je ne sais pourtant lequel est le plus utile à un Etat, ou un seigneur bien poudré qui sait précisément à quelle heure le Roi se lève, à quelle heure il se couche, et qui se donne des airs de grandeur en jouant le rôle d’esclave dans l’antichambre d’un ministre, ou un négociant qui enrichit son pays, donne de son cabinet des ordres à Surate et au Caire, et contribue au bonheur du monde*”.⁷

Симпатии к профессии негоцианта вытекают из истории развития семьи Вольтера: по линии отца род Аруэ происходил от дубильщиков кожи и суконщиков. По линии матери род Домар де Молеон принадлежал к небогатым представителям благородного сословия, дворянству мантии,⁸ которое приобреталось гражданской службой.

На блестящих приемах в доме мэтра Аруэ можно было встретить Ришелье, Сен-Симона, канцлера Рошебрюна, Комартена де Сент-Анжа, крестного отца Вольтера аббата Шатонефа, аббата Жедуана, знаменитую Нинон де л’Анкло и соседа семейства – Буало-Депрео. Таким образом, уже с детства Вольтеру было обеспечено общение с могущественными и знаменитыми людьми разных сфер жизни общества.

После ранней смерти матери (1701 г.) Вольтера отдали учиться в коллеж Людовика Великого (1704 г.), руководимого иезуитами, где он учился с наследниками самых знатных семей Франции: племянниками кардинала де Тансена, д'Аржанталем, Пон де Вейлем, будущим советником в парламенте Руана Сидевилем, будущим председателем парламента Бургундии Фье де ля Маршем, сделавшими карьеру министров братьями д'Аржансон. Это были блестящие связи и солидные дружеские отношения, которые не раз выручали его в трудные минуты жизни.

Впоследствии Вольтер, выходя на европейскую и мировую арену, уже сам завязывает связи с сильными мира сего – монархами, аристократами. В 1727-1728 годах, в период своего пребывания в Лондоне, Вольтер был принят в самом лучшем обществе; получая приглашения и пользуясь гостеприимством английской аристократии, он занимается литературными трудами – *“Историей Карла XII”*, *“Бруттом”*, *“Английскими письмами”*. Он встречается с Поппом, Свифтом, Кларком, Томсоном, Янгом.

Часто его взаимоотношения с известными людьми начинаются эпистолярно, основываясь на совершенном знании всех тонкостей амбивалентного языка письма XVIII века, как это было с Екатериной II, например,⁹ или с Фридрихом II.

В связи с отношениями французского философа с Фридрихом II А.С. Пушкин упоминает в той же статье *“Вольтер”* о совсем иных чувствах, которые возникли у него при чтении писем приложения к разбираемой книге, найденных в бумагах бывшего французского посланника при дворе Фридриха II (1752), в которых представлен период ссоры с “Северным Соломоном”, возникшей из-за распрей между президентом берлинской академии Мопертюи, которого поддерживал король, и профессором Кенигом, за которого заступился Вольтер. В результате появилось безымянное *“Письмо к Публике”*, на которое Вольтер имел неосторожность дать колкий ответ в немецких журналах, лишь впоследствии обнаружив авторство Фридриха II в берлинском переиздании текста с изображением короны, скипетра и прусского орла на заглавном листе. Написанная и опубликованная позднее самая язвительная из сатир Вольтера – *“La Diatribe du Dr. Akakia”* усугубила положение: последовал отъезд из Берлина, арест в дороге и принуждение вернуть компрометирующие сочинения короля.

Пушкин задается вопросом, что же повлекло Вольтера в Берлин, зачем он променял свою независимость на милости “чужого” ему государя, Эти же соображения вызывали недоверие и французского

двора, хотя есть упоминание о том, что в июне 1743 года Вольтера посылают в Берлин тайно узнать намерения Фридриха II относительно военных действий, так как положение Франции было крайне щекотливым, и что из этой миссии он вышел с честью.¹⁰ Но это А.С. Пушкин вряд ли мог знать. Относительно же писем из архивов французского посланника в Берлине он приходит к выводу о том, что эта жалкая история приносит мало чести философии и роняет достоинство Вольтера.

Достоинство как понятие морального сознания, выражающее представление о ценности всякого человека как нравственной личности, а также категория этики, которая означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношению к нему со стороны общества, в котором признается ценность личности,¹¹ должны подвергаться самоконтролю самой личности и выражаться в соответствующих поступках. Бывало, что друзья упрекали Вольтера в том, что он терял достоинство, резко высмеивая своих противников. Флобер сказал о смехе Вольтера как о *“скрежете”* – гениальное слово, по мнению А. Маньяна. Это же слово употребляет и А.С. Пушкин.

С точки зрения Пушкина, с его романтическим отношением к жизни, с его неприспособленностью к быту, трудно воспринять деловитость Вольтера; то, что ему кажется отсутствием достоинства, для Вольтера просто незначительно и ненужно – для него важен конечный результат. Если *“невольник чести”* Пушкин сознательно идет на смерть на дуэли, то *“предводитель умов и современного мнения”* Вольтер гибко уклоняется от вызова последнего из родственников Жанны д'Арк: *“Кажется, вы не изволите знать, что я – бедный старик, удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли”*.¹² Вся жизнь Вольтер жалуется на свое здоровье, но оказывается более выносливым и переживает многих других, как пережил он и президента де Бросса, который был на 15 лет моложе его. Такова была тактика Вольтера в осуществлении инстинкта самосохранения. Поэтому-то Пушкину, который привык к бесхозяйственной жизни русских дворян и часто сам нуждался в деньгах, приоритеты Вольтера, направленные на конечный результат, вполне могли казаться отсутствием достоинства. Ведь по существу русские дворяне разорялись, а деятельные помещики-хозяева появились лишь к концу XIX века. Стоит вспомнить знакомые каждому школьнику произведения – *“Вишневый сад”* А.П. Чехова, *“Дворянское гнездо”* И.С. Тургенева или же образ Левина из романа *“Анна Каренина”* Л.Н. Толстого. А.С. Пушкин не может стать на точку зрения Вольтера на этом невольном перекрестке двух разных цивилиза-

ций. Над Пушкиным довлела идеология русского дворянина с его особым менталитетом, недаром он в своих набросках “Дворяне” отмечает, чему учится дворянство: “Независимости, храбрости, благородству (чести вообще)”,¹³ а Вольтер формировал новое философское (и в этом слове сливались разные аспекты бытия – экономика, политика, духовность, искусство, быт) мышление Европы, которым он экспериментировал на приобретенных землях.

Чувствуется ли у Вольтера тяга к аристократизму? Посмотрим, как он указывал место написания писем в фернейский период своей жизни: “*Ferney, 10 avril [1761]*”, “*A Ferney, 19 mars [1761]*”, “*Au château de Ferney, ce 27 avril [1761]*”, “*Au château de Ferney, en Bourgogne, 24 janvier [1761]*”, “*Au château de Ferney en Bourgogne, par Genève, 31 juillet 1761*”, “*Au château de Ferney, près de Genève, 19 juillet 1761*”, “*Aux Délices, 30 mars [1763]*”, “*Au château de Tournay, 7 février [1759]*”. Слово “замок” встречается часто, оно доставляет Вольтеру-помещику видимое удовольствие, однако обратим внимание на неоднократно встречающиеся уточнения Вольтером географического места, провинции и даже своего рода разъяснения, как проехать, что свидетельствует скорее о стремлении локализовать его в малом и большом окружающем его пространстве, сориентировать своих корреспондентов и дать им дополнительную информацию вполне в духе эпохи Просвещения.

Сплав благородных и “трудовых” кровей при наличии мощного интеллекта и таланта определил разнообразную среду деятельности этого выдающегося человека. Вольтер скорее аристократ духа, но страстный и деятельный аристократ. Поселившись в живописнейшем уголке Франции на берегах Женевского озера (сейчас озеро Леман) и миниатюрного, необыкновенной красоты озера Аннеси, где и по сей день утопает в пахучих цветах дивный одноименный городок, Вольтер оставил о себе память, которая жива уже более трех столетий. Одно из поместий Вольтера носит его имя (Ферне-Вольтер), в другом, которое в быстрой динамике роста городов оказалось уже в самом сердце Женевы (Делис), открыт Музей Вольтера, где хранятся его документы и архивы. Однако самая ценная часть библиотеки Вольтера, купленная у его племянницы мадам Дени Фредериком Мельхиором Гриммом по поручению Екатерины II, которая вела с Вольтером переписку на протяжении шестнадцати лет, находится в Санкт-Петербурге. В этой библиотеке по высочайшему и “всемиловитивейшему” разрешению Николая I имел счастье работать А.С. Пушкин.¹⁴ Именно там он сделал набросок скульптуры Вольтера, выполненной Гудоном.

Во время посещения Музея Вольтера в Делис мы узнали о существовании 185 эпистолярных текстов его переписки с Екатериной II, в то время, как в сборник *“Писем императрицы России и господина де Вольтера”*, охватывающий период с 1763 по декабрь 1777 года, вошли лишь 153 письма, из которых 68 написаны Екатериной II и 85 – Вольтером. Далеко еще не все известно нам о жизни Вольтера. Многие автографы еще остаются в неизвестности. Тем замечательнее недавнее открытие среди коллекции автографов деятелей истории и культуры народов Европы XVIII – первой половины XIX столетия архива Харьковского историко-филологического общества, находящегося в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве, автографа неопубликованного ранее письма Вольтера, адресованного Теодору Троншену.¹⁵ Найденный эпистолярный документ расширяет наши знания об окружении философа и его связях. В нем, в частности, упоминается герцогиня д’Анвиль, с которой Вольтер общался в период своей жизни на берегу Женевского озера.

Корреспонденция фернейского периода жизни Вольтера раскрывает его как общественного деятеля не только европейского и мирового масштаба,¹⁶ но и как патриарха, прекрасного хозяина и экономиста. Не в этом ли хотел реализовать себя Вольтер, гибко уходя от всех возникающих опасностей, – соединить теорию, созданную его могучим интеллектом, и практику жизни: если учишь – то реальности, что сам попробовал и успешно осуществил. Приведем фрагменты письма Вольтера герцогине де Шуазель от 4 сентября [1769] года,¹⁷ которое носит характер превосходной рекламы: Вольтер организовал хозяйственную жизнь своего поместья на самый прогрессивный лад, и среди разнообразных видов экономической деятельности существенное место занимало производство шелковых чулок, которые он искусно и убедительно рекламирует своим знакомым: обращая внимание на то, что супруг герцогини основывает колонию в снежной местности по соседству, Вольтер, сравнивая их климат с климатом Сибири на целое полугодие, подводя таким образом к мысли о необходимости теплых вещей и тут же рассказывая о шелковых червях, позволивших ему впервые в этой местности произвести чулки, превосходящие даже провансальские и итальянские, которые он, с учетом женской психологии, предлагал надеть (*“Laignez les mettre, madame, une seule fois; montrer ensuite vos jambes à qui vous voudrez”*) и убедиться в их необыкновенной прочности (*“donnez-les ensuite à une de vos femmes, ils lui dureront un an”*). Описания даны не только в прозе, но и в стихах: *“Je me mets à vos pieds, j’ai sur eux des desseins; | Je les prie humblement*

de m'accorder la joie | De les avoir logés dans ces mailles de soie | Au milieu des frimas je formai mes mains". Вольтер хорошо подготовился к продаже своего товара, зная уже размер обуви герцогини, а из его описания оформления приобретения адресат узнает и о том, что оберточная бумага сделана из пшеницы, которую он высевает на своих полях, и т.д. Шутливое дружеское обращение "*Gargantua*" к хрупкой миниатюрной женщине, заключительная формула вежливости, которая также раскрывает различные виды его хозяйственной деятельности ("*Agréez, madame, le profond respect de votre ancien colporteur, laboureur et manufacturier*"), и не менее шутливая подпись ("*Guillemet*") придают письму милый характер и ненавязчивость рекламе своего товара. Не менее искусно рекламировал Вольтер и швейцарские механические часы, вдохновляя развитие часовой промышленности, – этот район до сих пор сохраняет за собой славу их самого известного производителя. Однако еще один факт заслуживает внимания: "*...ces bas; ce sont mes mains qui ont travaillé à les fabriquer chez moi, avec le fils de Calas*" – Вольтер работает над производством чулок с сыном Каласа. В удивительно смелой борьбе за реабилитацию невинно казненного Каласа, в которой Вольтер подвергал себя страшному риску, в которую вовлекал своих могущественных корреспондентов и которую он сумел выиграть, он не только восстановил доброе имя семьи Каласа, но и дал работу и толчок к промышленной деятельности его потомству. Вольтер отклоняет вызов на дуэль родственника Орлеанской деви, о чем нам повествует в своей статье А.С. Пушкин, потому что она смешна и бессмысленна, а старые дворянские традиции для него вчерашний день, но он идет на серьезный риск, отстаивая гуманные требования веротерпимости, справедливости и ответственного отношения к жизни человека в государстве.

У Вольтера были корреспонденты и из низших сословий – из разных. Как истинный аристократ духа, Вольтер проявляет открытость, сострадание, страстное желание преобразовать мир, дать толчок позитивному развитию. Вольтер – созидатель. Поэтому-то он и негодовал на Жан-Жака Руссо, борясь за единство рядов философов, и поэтому сердился из-за того, что срубили лес – дело, пожалуй, было не просто в денежных потерях: делалось все не так, не рационально. Кроме того, в стремлении к независимости и достоинству Вольтеру не могло понравиться отношение де Бросса к сделкам: их купчая составлена не на справедливых основах.

На протяжении своей жизни и деятельности Вольтеру пришлось играть тройственную роль:

- 1) Постоянную роль популяризатора идей ученых (Локк и Ньютон в его объяснении стали понятны даже светской публике).
- 2) Посредническую роль в реализации подлинных философских действий в сети своих весомых европейских связей.
- 3) Общественную роль, которую он играл с особым предпочтением, поставив на службу общему делу свои многочисленные таланты сатирика и полемиста: “У кого в руках перо – тот воюет” (“*Qui plume a, guerre a*”), как он любил говорить.¹⁸

Исследователю его жизни и творчества А. Маньяну пришла удачная идея увидеть Вольтера “*côté cour, un autre côté jardin*” – со стороны двора (внешняя, светская жизнь) и со стороны сада (жизнь творческая и личная).¹⁹ “Со стороны двора” у Вольтера наблюдалось лишь внешнее и тактичное соответствие порядку, “со стороны же сада” в своей антрепризе создания нового человека и формирования нового мышления Вольтер вел смелую битву за более свободное общество, за более справедливую справедливость, за веротерпимость и терпимость к различным мнениям, за более человеческое человечество в осознании земной солидарности. Свою роль он играл с пером в руке и со страстью, не ослабевающей на протяжении всей своей долгой жизни.

Можно ли воспринимать человека только в белых или только в черных красках? Вольтеру нужно было поступать именно так, а не иначе, для своего самоутверждения и для самореализации, в противном случае – это не был бы Вольтер.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что при всем уважении, которое испытывает к Вольтеру А.С. Пушкин, используя гиперболические эпитеты в своих высказываниях о нем, он не может полностью стать на точку зрения французского философа в силу многих факторов национального, сословного, личностного характера. Над ним довлеет и полученное русское дворянское воспитание, и романтическое отношение к жизни, и влияние войны 1812 года с вызванным ею чувством патриотизма, с проявленным героизмом русских солдат и офицеров, и бескорыстие, которое можно было встретить в русской духовной среде, и огромное влияние на Пушкина декабристов.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин А.С. Вольтеръ // Сочинения А.С. Пушкина: Полное собрание въ одномъ томѣ. – Девятое издание. – С.-Петербургъ: Книгопечатня Шмидтъ, 1913. – С. 1417.

2. Origieux, Jean. Voltaire ou la royauté de l'esprit. – En 2 volumes. – T.2. – Paris: Flammarion, 1977. – P. 175.
3. Там же.
4. Кордон М.В. Українська та зарубіжна культура: Курс лекцій. – К.: ЦУЛ, 2002. – С. 194.
5. Magnan A. Voltaire / Beaumarchais J.-P. de, Couty D., Rey A. Dictionnaire des littératures de langue française: S-Z. – P.: Ed. Bordas, 1994. – P. 2653-2657.
6. Voltaire, F.-M. A. de. Lettres philosophiques. – P.: Garnier-Flammarion, 1964. – P. 66.
7. Там же, с. 77.
8. Voltaire, F.-M. A. de. Correspondance / par Gu. Picot. – P.: Ed. Bordas, 1970. – P. 3.
9. Подробнее об анализе первых эпистолярных контактов Вольтера и Екатерины II см.: Каирова Т.С. Интеграция содержательно-концептуальной информации в эпистолярных текстах (на материале эпистолярного наследия Франции XVIII века: Дисс. ... к. филол. н. – М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1989, где мы рассматриваем механизм действия эксплицитных и имплицитных интенций автора (с. 89-92).
10. См. сн. 5, с. 2654.
11. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – М.: Изд-во политической литературы. – 1981. – С. 81-83.
12. Пушкин А.С. Последний из родственников Иоанны д'Арк // См. сн. 1, с. 1439.
13. Пушкин А.С. Дворяне // Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 5. – СПб.: Библиополис, 1994. – С. 425.
14. Фейнберг И.Л. Пушкин в библиотеке Вольтера // Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. – М.: Советский писатель, 1969. – С. 134-144.
15. Захаркін С. Неопублікований лист Вольтера в Київському зібранні // Всесвіт: Журнал іноземної літератури. – 2002. – № 7-8. – С. 168-171.
16. Подробнее см.: Каирова Т.С. Эхо цивилизаций в эпистолярном наследии Вольтера // Наукове видання “Мова і культура”. – Серія “Філологія”. – Випуск 4. – Том IV. – Частина перша: “Мова і художня творчість”. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2002. – С. 127-128.
17. Voltaire, F.-M. A. de. Lettres choisies. – En deux volumes. – T. 2. – Ferney. – Paris: Librairie Garnier Frères, 1946. – P. 145-146.
18. См. сн. 5, с. 2649.
19. Там же, с. 2648.